

Говор тегинских ханты и некоторые проблемы вокализма (в сопоставлении с данными казымского диалекта)

В. А. Иванов¹, Р. И. Идрисов²

¹ Удмуртский институт истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН, Ижевск, Россия

² Независимый исследователь, Москва, Россия

Аннотация

Описывается система гласных фонем говора тегинских ханты. Уточняется отношение говора к другим хантыйским идиомам. Кратко рассматриваются социо- и этноязыковая ситуация, особенности полевой работы в с. Теги. На основе работ предшественников описывается вокализм казымского диалекта, включающий девять фонем. Отмечаются вариации в обозначении гласных в разных системах записи. В говоре с. Теги выделяются те же девять фонем, но с различиями в реализации и дистрибуции. Акустический анализ показал наличие четырех огубленных гласных заднего ряда; результаты психоакустического эксперимента подтверждают, что они хорошо различимы на слух. В заключение намечены направления дальнейших исследований.

Ключевые слова

хантыйский язык, казымский диалект, тегинский говор, фонетика, вокализм, системы письма, полевая лингвистика

Для цитирования

Иванов В. А., Идрисов Р. И. Говор тегинских ханты и некоторые проблемы вокализма (в сопоставлении с данными казымского диалекта) // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 4 (Вып. 56). С. 100–116. DOI 10.25205/2312-6337-2025-4-100-116

The Tegi Khanty idiom and selected issues of the vowel system (a comparative analysis with Kazym Khanty dialect)

V. A. Ivanov¹, R. I. Idrisov²

¹ Udmurt Institute of History, Language and Literature of Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Izhevsk, Russia

² Independent researcher, Moscow, Russia

Abstract

This paper presents a description and comparative analysis of the vowel phoneme systems of two Khanty idioms: the Tegi idiom and the Kazym dialect of the West Khanty dialectal group. The study is based on original field data collected in the village of Tegi in 2010–2012 and in Kazym in 2018, both located in the Khanty-Mansi Autonomous Okrug—Yugra. Emphasis is placed on defining the term “Tegi idiom,” and the socio- and ethnolinguistic circumstances within the Tegi village. The idiom is analyzed in comparison to the well-documented Kazym dialect, focusing on vowel phoneme inventory, phonetic realization, and perceptual distinctiveness. Although both idioms exhibit a nine-vowel system with comparable syllabic distribution, substantial differences exist in their phonetic implementation, especially regarding the realization of back rounded vowels. Acoustic analysis reveals rounded vowels in Tegi Khanty to be consistently articulated as back vowels, unlike the central-back distinction seen in Kazym Khanty. Additionally, the vowel /ø/ in Tegi Khanty displays a diphthong-like articulatory and acoustic structure. Psychoacoustic experiments with native speakers confirm that distinctions among back rounded vowels are perceptually significant, thus supporting their phonemic status. The study highlights inconsistencies in transcription systems across prior descriptions, advocating for the adoption of modern phonemic Cyrillic orthography to promote comparability across studies. These inconsistencies could indicate significant phonetic variation in vowel pronunciation among dialects, speakers, and even

© В. А. Иванов, Р. И. Идрисов, 2025

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 4 (Вып. 56)

Yazyki i Fol'klor Korennyykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2025, no. 4 (iss. 56)

within individual speech patterns. The fieldwork often presents such inconsistencies, including the variable pronunciations of specific lexical items, showing a complex sound change pattern within the Tegi idiom.

Keywords

Khanty language, dialect of Kazym, idiom of Tegi, phonetics, vowels, writing systems, linguistic fieldwork

For citation

Ivanov V. A., Idrisov R. I. Govor teginskikh khanty i nekotorye problemy vokalizma (v sopostavlenii s dannymi kazymskogo dialekta) [The Tegi Khanty idiom and selected issues of the vowel system (a comparative analysis with Kazym Khanty dialect)]. *Yazyki i Fol'klor Korennnykh Narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2025, no. 4 (iss. 56), pp. 100–116. (In Russian) DOI 10.25205/2312-6337-2025-4-100-116

Введение

Ханты-манси́йский язык наряду с манси́йским и венгерским составляют угорскую группу финно-угорской ветви уральской языковой семьи. Носители языка – ханты – проживают на значительной территории Западной Сибири, в основном по берегам Нижней и Средней Оби и ее притоков. Ввиду территориальной и культурной близости языки ханты и их западных соседей манси объединяют в обско-угорскую подгруппу и противопоставляют венгерскому языку [ОФУЯ 1976; Хайду 1995; Соловар и др. 2016].

Ханты включены в перечни коренных малочисленных народов Российской Федерации и коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ. Общая численность ханты по данным Всероссийской переписи населения на 2021 г. составляет 31467 чел., из них около 94 % проживают на территории Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов. Владение ханты́йским языком как родным в ходе переписи указали 13900 человек¹.

К сложной проблеме диалектного членения ханты́йского языка имеется несколько подходов. Традиционно выделялись три диалектные группы: северная, южная и восточная [Штейниц 1937: 194–196]. В более поздних работах северная и южная группы объединяются в западное наречие, которое противопоставляется восточному [Терешкин 1981: 3–6]. Отчасти это связано с более интенсивными процессами ассимиляции и утраты исконного языка в среде южных ханты, в результате чего южная группа диалектов в настоящее время представлена отдельными говорами [Каксин 2010: 3, 10; Соловар и др. 2016: 8]. Еще одна точка зрения предполагает выделение нескольких языков ханты́йской группы: от двух до пяти. В соответствии с актуальным списком языков России Института языкоизнания РАН выделяется четыре языка ханты́йской группы: североханты́йский, восточноханты́йские сургутский и вах-васюганский, а также хандэйский (южноханты́йский, определен как исчезнувший) [Список языков 2023].

В данной статье рассматриваются некоторые проблемы вокализма говора тегинских ханты (далее – тегинский говор) в сопоставлении с известными данными казымского диалекта. Казымский диалект относится к западному наречию, северной диалектной группе, распространен на территории Белоярского и части Березовского районов Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, в бассейне реки Казым и по берегам Оби [Каксин 2010: 10–12]. Данный диалект считается наиболее исследованным [Соловар и др. 2016: 9], обзор исследований см. [Каксин 2010: 12–14]. В части описания вокализма казымского диалекта мы опираемся на работы [Куркина 2000; Кошкарева, Соловар 2007; Каксин 2010; Тимкин 2018; Егоров 2019].

К тегинскому говору мы относим, прежде всего, говор с. Теги Березовского района Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (см. далее п. 1.1). Статус данного говора остается неясным: он относится к казымскому диалекту [Терешкин, Немысова 2014: 3], считается переходным говором между казымским и шурышкарским диалектами [Николаева 1995: 6] или рассматривается как самостоятельный диалект [Каксин 2010: 10]. Исследован тегинский говор весьма фрагментарно, его полное описание, в том числе в части вокализма, отсутствует.

Предметом исследования является состав гласных фонем тегинского говора ханты́йского языка, а также некоторые особенности их фонетической реализации. Материалом послужили полевые данные (транскрипции и аудиозаписи), собранные в 2010–2012 гг. в ходе лингвистической

¹ Всероссийская перепись населения 2020 г. URL: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020> (дата обращения: 20.11.2025).

экспедиции МГУ им. М. В. Ломоносова в с. Теги Березовского района Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (руководители А. И. Кузнецова, С. Ю. Толдова; использованы записи В. А. Иванова, Р. И. Идрисова, Ф. И. Рожанского, О. А. Карловской, С. В. Винцкевича). Данные тегинского говора сопоставляются с известными данными казымского диалекта, а также с полевыми записями, собранными в 2018 г. в ходе экспедиций в с. Казым Белоярского района Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (руководитель С. Ю. Толдова; записи сделаны Д. А. Бикиной, А. Н. Закировой, С. В. Покровской по анкете Р. И. Идрисова).

Исследование опирается как на слуховой, так и на инструментальный (акустический) анализ аудиозаписей, выполненный с применением специализированного программного обеспечения (*Praat*). Для инструментального анализа на данном этапе были выбраны записи четырех дикторов: трех носителей тегинского говора и одного носителя казымского диалекта (см. п. 3.1).

Ввиду продолжающегося языкового сдвига фиксация и изучение фонетических систем языков народов Сибири – особенно инструментальными методами – оказываются крайне актуальными [Селютина 2004: 6–7]. Надеемся, что анализ накопленного материала по тегинскому говору позволит продвинуться в понимании границ фонетического варьирования в хантыйском языке.

1. Социо- и этноязыковая ситуация

1.1. Теги и тегинские ханты²

Село Теги находится на северо-востоке Березовского района Ханты-Мансийского автономного округа – Югры и относится к городскому поселению Березово. На востоке Березовский район граничит с Белоярским районом (территория распространения казымского диалекта), на севере – с Шурышкарским районом Ямalo-Ненецкого автономного округа (территория распространения шурышкарского диалекта). По-русски название села произносится с мягким [т̚]: [т̚]еги, родительный падеж – Тег. Хантыйское название *Тэк*, *Тэк көрт*³ (*көрт* ‘стойбище, село, деревня’ [Соловар 2014: 125]).

Нынешнее село Теги («новые», или «современные» Теги) на левом берегу Малой Оби в районе верхнего устья протоки Сортынгпосл (хант. *Сортэнү пусәл*, букв.: Щучья протока; *сорт* ‘щука’, *пусәл* ‘протока’ [Соловар 2014: 284, 259]) возникло лишь в 1953 г. При этом первое упоминание о тегинских хантах встречается в ревизских сказках 1782 г., а поселение Теги впервые отмечено на картах в 1792 г. [Новьюхова 2021]. Эти упоминания относятся к более ранним локациям поселения Теги.

Самая ранняя из известных локаций – так называемые Древние Теги (иногда – Старые Теги, хант. *Катра Тэк / Йис Тэк*); информация о более ранних локациях сохранилась только в фольклорных преданиях, см. [Лапина 2011: 3–4]. Древние Теги располагались несколько севернее современных Тег, на берегу Тегинской протоки (хант. *Тэк пусәл*, сейчас обозначается на картах как Старотегинская) в нескольких километрах от Малой Оби. Осенюю данная протока пересыхала, что приводило к сложностям с транспортом. К переселению на берег Малой Оби жителей, по-видимому, сподвигло также создание рыболовецкой артели и колхоза в 1930-х гг. К 1940 г. население Древних Тег насчитывало 54 хозяйства, 300 человек; после переноса основного поселения на правый берег Малой Оби осталось 4 хозяйства, 18 человек [Новьюхова 2021: 293–294]. На картах конца XX – начала XXI вв. Древние Теги еще отмечались как летнее поселение [Новьюхова 2021: 292].

Средние Теги (хант. *Күтләп Тэк*) возникли на правом берегу Малой Оби в районе устья протоки Староустрёмская (хант. *Вуцрэм пусәл*, букв.: Желчная протока; *вуцрэм* ‘желчь’ [Соловар 2014: 55]). Основная волна переселения пришла на 1940–1941 гг. Правый берег – фактически междуречье Малой Оби и (Большой) Оби – более низкий, болотистый, изрезанный протоками и мелкими озерами, во время половодья и паводков его заливало. Вероятно, это было основной причиной основания в 1953 г. села Теги на нынешнем месте и переселения туда большинства жителей⁴. Впрочем, на новом месте берег постоянно размывается, и некоторые дома уже ушли

² В данном разделе используются полевые материалы В. С. Волка (с. Теги, 2010 г.).

³ Здесь и далее используется актуальная орфография, принятая для казымского диалекта хантыйского языка: см., например, [Соловар 2014; Немысова и др. 2023].

⁴ Использованы материалы публикаций: Лапина М. Старые Теги // Ханты Ясанг. № 4 (3424). 02.03.2015. URL: <https://khanty-yasang.ru/khanty-yasang/no-4-3424/2687> (дата обращения: 20.11.2025);

под воду. В ходе нашей полевой работы жители отмечали, что если село сохранится, то, вероятно, «будут и четвертые Теги».

В Тегах проживают представители нескольких хантыйских родов: Аяты, Макаровы, Миляховы, Неттины, Новьюховы, Носкины, Отшамовы, Тасмановы [Новьюхова 2021: 293]. В ходе экспедиций нам удалось наиболее тесно поработать с представителями семей Неттиних и Новьюховых. По тем данным, которые мы получили в ходе бесед, Теги когда-то были зимней деревней (постоянным поселением) Неттиних; это подтверждается и другими источниками, см. [Рябчикова 2024б: 76–77; Лапина 2011: 8]. Предки Новьюховых пришли с реки Куноват (Шурышкарский район Ямало-Ненецкого автономного округа) и основали несколько летних поселений, важнейшим из которых был Юхангорт (хант. *?Йүхэн көрт*)⁵. Некоторые из них, по-видимому, со временем осели в Тегах. Наши сведения почерпнуты из семейных преданий и не могут считаться абсолютно надежными. Тем не менее для нас важно, что население современных Тег имеет сложную историю формирования, что не могло не оказаться на особенностях тегинского говора, в том числе на его внутренней вариативности. В ходе работы наши консультанты отмечали некоторые различия в речи представителей разных родов.

Село Теги вместе с д. Пугоры (хант. *Пөхэр көрт*) и пос. Устрём (хант. *?Сэм нյул*, букв.: Песчаный мыс [Новьюхова 2019: 215]), а также многочисленными бывшими летними поселениями, к настоящему моменту большей частью исчезнувшими, составляют так называемую «тегинскую территорию» – единственную локацию компактного проживания ханты в Березовском районе [Рябчикова, Броваренко 2024: 206–207]. Жителей этой территории называют тегинскими хантами (хант. *Тэк йох; йох ‘люди’* [Соловар 2014: 93]) или, более обобщенно, березовскими хантами (хант. *Сүмәт вош ханты*) [Рябчикова 2024а: 11]. Тегинские (березовские) ханты отделяют себя от казымских хантами (хант. *Касәм йох*).

Всероссийская перепись населения в 2010 г. выявила в с. Теги 416 жителей (в 2021 г. – 356 чел.). По данным, полученным нами в ходе экспедиции в Тегинском территориальном отделе, в с. Теги официально проживало 438 человек (по другому источнику – 467), в п. Устрём – 61, в д. Пугоры – 79. Более тщательное изучение данного вопроса позволило выяснить, что из 438 человек, включенных в соответствующий реестр, реально в Тегах проживали 308 человек, из них 272 (88 %) – ханты, 16 – манси.

1.2. Владение языком, языковая идентичность, статус идиома

В списке жителей с. Теги, работавших с экспедицией в 2010–2011 гг., 35 человек, из них 32 ханты (2 манси, 1 коми). Разброс годов рождения – от 1928 до 1983, однако основная работа велась с носителями, родившимися в 1950-х – 1960-х гг. Места рождения относятся в основном к «тегинской территории», но некоторые родились в других районах, в среде носителей казымского или шурышкарского диалектов.

Работа с носителями более старшего поколения была в целом затруднена из-за их возраста, часто – из-за их закрытости и нежелания идти на контакт, иногда – из-за слабого владения русским языком. Более младшее поколение («дети» тех, кто родился в 1950-е – 1960-е гг.) родным языком, как правило, владело плохо или не владело совсем (впрочем, были некоторые исключения). Межпоколенческая передача языка была, по-видимому, по большей части прервана. При этом следует отметить, что в некоторых семьях языком владели и активно использовали его в повседневной жизни все поколения. Однако такие семьи вели очень традиционный, закрытый образ жизни и не шли на контакт, вследствие чего мы с ними не работали и знаем о них только с чужих слов.

Почти все носители отмечали, что до школы совершенно не знали русского языка. Отношение к использованию хантыйского языка в школе постоянно менялось в зависимости от школы (школы были в Тегах, Пугорах, Устрёме, также многие учились в Березове), конкретного учителя и в разные периоды времени было разным. При этом в целом обучение в школе, как правило,

Новьюхова З. О Средних Тегах // Ханты Ясанг. № 18 (3510). 20.09.2018. URL: <https://khanty-yasang.ru/khanty-yasang/no-18-3510/8268> (дата обращения: 20.11.2025).

⁵ Ср. материалы публикации: Хранитель Юхангорта // Окружная телерадиокомпания Югра. 2020. URL: <https://ugra-tv.ru/programs/goryachi-vozrast/archive/khranitel-yukhangorta/> (дата обращения: 20.11.2025).

было нацелено на усвоение русского языка. К 2010 г. русский язык стал основным языком общения и вытеснил хантыйский язык практически из всех сфер. В тегинской школе родной хантыйский язык (казымский диалект) преподавался как учебный предмет.

Наши консультанты отмечали, что используют родной язык в основном при общении с представителями старшего поколения, значительно реже – между собой. Иногда хантыйский язык выполнял функции «тайного» языка: его использовали, когда хотели, чтобы не поняли посторонние или дети. Показательна следующая ситуация: некоторые наши консультанты были удивлены, когда увидели, что один из их односельчан успешно работает с экспедицией, поскольку ранее никогда не слышали, чтобы он публично говорил по-хантыйски. Работа экспедиции была завершена в 2012 г., и когда через несколько лет некоторые ее участники снова оказались в Тегах, один из наших консультантов признался, что все это время ни с кем не говорил на родном языке⁶. Подобные обстоятельства не могли не оказаться на материале, который собирался в экспедициях и лежит в основе нашего исследования. В частности, иногда это отрицательно оказывается на уверенности и точности произнесения форм, что может служить источником дополнительной вариативности, а также ослабления контраста между фонемами.

Почти все наши консультанты осознавали свой говор как особый, не сводимый ни к казымскому, ни к шурышкарскому диалектам. Обычно он определялся как «тегинский» или «теговский», иногда – как «березовский» или «обской» (видимо, в противоположность казымскому, носители которого живут на реке Казым, тогда как тегинцы – на Оби). Некоторые характеризовали свой говор как «средний», промежуточный между казымским и шурышкарским. Мы не исследовали специально, на чем основана такая оценка: возможно, главным образом на географическом положении «тегинской территории».

При этом наибольшее отторжение вызывала именно письменная форма, с которой тегинцы сталкиваются в печатных СМИ, в книжных изданиях, в учебных материалах. Тегинский говор «обслуживается» казымской нормой и соответствующей системой письма, которую до последнего времени отличали частые изменения и параллельное существование нескольких вариантов, см. [Кошкарева 2013]. Кроме того, используемые знаки письма, особенно в области гласных, выбирались под конкретную, «нормативную» фонетическую реализацию и не всегда подходили для отражения особенностей говоров. Попытки чтения на других диалектах (например, шурышкарском), как правило, не предпринимались.

В то же время устная речь казымских ханты характеризовалась как близкая, понятная, хотя и не идентичная речи тегинцев. Шурышкарский диалект достаточно близок к казымскому, они являются взаимопонятными – в гораздо большей степени, чем в среднем хантыйские диалекты между собой, даже в рамках одного наречия. Например, носители шурышкарского диалекта отмечали, что понимают казымский диалект, но у носителей приуральского диалекта «речь непонятная»⁷. Вследствие этого речь шурышкарских ханты для тегинцев также была понятной.

Влияние стандартного (литературного) языка, основанного на казымском диалекте, на устную речь тегинцев оценить трудно. По меньшей мере такое влияние прослеживалось в речи наиболее образованной части сообщества: например, у учителя родного языка это влияние было заметно в том числе на фонетическом уровне.

В хантыйской диалектологии статус тегинского говора остается неопределенным, причем возможны как минимум три подхода. Первый подход, предполагающий отнесение тегинского говора к казымскому диалекту, встречается в основном в работах практической (в частности, учебной) направленности [Терешкин, Немысова 2014: 3]. Тегинский говор близок казымскому и лингвистически, и географически. Вполне естественно, что именно стандартный язык на казымской основе выполняет для тегинского говора роль «зонтичного языка», «языка-крыши» (англ. *umbrella language*, нем. *Dachsprache*).

Данный подход встречается и в исследовательских работах. Например, в ходе изучения вокализма казымского диалекта использовались материалы, полученные от дикторов – уроженцев Тег [Куркина 2000: 14–15]. Непосредственные указания на отнесение тегинского говора не к казымскому, а к шурышкарскому диалекту нам неизвестны, хотя иногда говорят о шурышкарско-

⁶ Е. В. Кашкин, личное сообщение.

⁷ Полевые материалы В. А. Иванова, с. Шурышкары, с. Восяхово Шурышкарского района Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, 2011–2012 гг.

березовском диалекте [Штейниц 1937; Каксин 2010: 5] или на картах относят территорию, на которой расположены Теги, к зоне распространения шурышкарского диалекта [Соловар и др. 2016: 4].

Второй подход предполагает, что «диалект поселка Теги» является «промежуточным между казымским и шурышкарским диалектами» [Николаева 1995: 6]. Данная точка зрения воспроизводится в разных работах, ср. [Каксин 2010: 6]. При этом неясно, считает ли И. А. Николаева тегинский говор самостоятельным диалектом или же термин «диалект» здесь равнозначен термину «говор», и речь идет о промежуточном говоре (группе говоров). Аргументация также не приводится, но можно предположить, что такой подход восходит к круговой диаграмме Л. Хонти, на которой тегинский идиом помещен на границе между зонами казымского языка (с. Казым) и шурышкарских языков (с. Мужи, с. Шурышкы, бассейн реки Сыня) [Honti 1984: 14].

Наконец, третий поход предполагает выделение самостоятельного диалекта. Этот диалект обозначается как «березовский» [Рябчикова 2024а, 2024б], «тегинский» или «тегинский-березовский» [Каксин 2010: 10] и включает в себя говоры «тегинской территории».

В нашей работе мы используем формулировку «тегинский говор» в значении «идиом(ы) уроженцев тегинской территории» – безотносительно того, составляет он отдельный диалект или нет. По нашему мнению, в современной ситуации не имеет смысла разделять тегинский говор на несколько локальных вариантов по территориальному признаку. Хотя наши материалы собраны в с. Теги, записаны они от уроженцев с. Теги (включая Древние и Средние Теги), д. Пугоры, п. Устрём и других окрестных населенных пунктов (в основном, бывших летних поселений тегинских ханты).

2. Вокализм тегинского говора в сопоставлении с данными казымского диалекта

2.1. Состав гласных фонем и системы их записи

В казымском диалекте выделяют 9 гласных фонем [Куркина 2000; Каксин 2010]: /и/, /э/, /а/, /ÿ/, /у/, /ø/, /ў/, /о/, /ә/. В первом слоге возможны все гласные, кроме /ә/; в непервых слогах встречаются гласные /и/, /э/, /а/, /ә/ (гласные /ÿ/, /у/, /ø/, /ў/, /о/ встречаются в непервых слогах слов, составленных из нескольких корней). К спорным случаям относится фонема /э/, реализуемая в двух вариантах: [э] («э закрытое») и [ε] («э открытое»). Некоторые исследователи считают /э/ и /ε/ отдельными фонемами (см., например, [Штейниц 1937]).

Приведем также информацию о составе согласных фонем казымского диалекта. Система состоит из 18 фонем [Кошкарёва, Соловар 2007; Каксин 2010]: губные /п/, /м/, /в/; переднеязычные /т/, /ш/, /с/, /յ/, /н/, /р/, /л/; среднеязычные: /ть/⁸, /щ/, /ль/, /нь/, /й/; заднеязычные /к/, /х/, /ң/.

В табл. 1 представлена система гласных фонем казымского диалекта с распределением по ряду и подъему. Данные в таблице соответствуют результатам экспериментального исследования [Куркина 2000]; распределение гласных по ряду и подъему приводится по [Тимкин 2018: 77], но обозначения для фонем мы используем другие (см. ниже).

Таблица 1
Table 1

Система гласных казымского диалекта Vowel phonemes in Kazym Khanty

Подъем	Передний ряд	Средний ряд	Задний ряд
Верхний	и	у	ÿ
Средний	э	ө	о
Нижний			а ÿ

⁸ Соответствующий знак хантыйского алфавита – лигатура тje – включен в стандарт Юникод в 2022 г. (Cyrillic letter tje: U+1C89, U+1C8A), однако к настоящему моменту отсутствует в большинстве стандартных шрифтов.

Для записи фонем здесь и далее мы применяем кириллические знаки, используемые в актуальной версии орфографии стандартного хантыйского языка на основе казымского диалекта [Немысова и др. 2023]. Это оказывается возможным благодаря тому, что данная система письма следует фонематическому принципу записи. В области вокализма от этого принципа есть два отступления: разными буквами обозначаются [и] и [ы] (реализации фонемы /и/), а также [э] и [ε] (реализации фонемы /э/). Это удобно в практической записи, поэтому мы тоже этому следуем.

Использование знаков орфографии в нашем случае не только возможно, но и удобно. Это позволяет, в частности, для уточнения тех или иных форм обратиться к словарю [Соловар 2014] (более новое издание: [Соловар 2020]) без необходимости транслитерировать, «пересчитывать» из одной системы записи в другую. Такой пересчет может быть нетривиальным с учетом большого разнообразия существующих систем записи казымского материала. Фактически, в каждом новом описании предлагается новый набор обозначений. Иногда без обращения к примерам записи конкретных слов невозможно понять, какой знак к какой фонеме относится. Далее в табл. 2 мы приводим соответствия между некоторыми известными системами записи – как орфографическими на основе кириллицы, так и транскрипционными на основе латиницы.

Таблица 2
Table 2

Соответствия между системами записи и транскрипции (гласные)
Correlations between writing and transcription systems (vowels)

Примеры	Орфография (кириллица)			Транскрипция (латиница)		
	1	2	3	4	5	6
ики ‘мужчина’	и	і	и	і	і	і
лыпəт ‘лист’	ы	(ї)	ы	ı	і	і
сэв ‘коса’	э	э	э	e:	e	e
сэм ‘глаз’	е	е	е	ε:	ε	ε
атма ‘плохо’	а	а	а	á:	a	a
тäj ‘зима’	ä	ä	ä	ä:	ä	ä
үв ‘течение’	ү	ү	ү	ö	ö	ü
көр ‘печь’	ө	օ	ə	ɔ:	օ	օ
յв ‘крик’	ў	ў	ў	ö	ў	ў
оө ‘дверь’	о	о	о	ɔ:	ə	o
атəм ‘плохой’	э	э	ä, у	ə	ə	ə

В левом столбце приведены примеры лексем, содержащих соответствующие гласные фонемы, записанные в актуальной орфографии и выверенные по словарю [Соловар 2014]. Далее сопоставляются шесть систем записи. В первых трех столбцах приведены варианты кириллической орфографии: столбец 1 – современная фонематически ориентированная орфография [Соловар 2014; Немысова и др. 2023]; столбец 2 – вариант орфографии, предлагавшийся в [Соловар 2006] (без учета йотированных букв); столбец 3 – слоговая орфография, доминировавшая (с различными вариациями) до введения фонематической, приводится по [Кошкарева, Соловар 2007] (без учета йотированных букв).

В следующих трех столбцах приведены варианты транскрипционной записи на основе латиницы: столбец 4 – фонетическая транскрипция [Куркина 2000] на основе универсальной унифицированной фонетической транскрипции (УУФТ) В. М. Наделяева⁹; столбец 5 – фонематическая транскрипция на основе финно-угорской транскрипции (ФУТ), используемая в [Кошкарева, Соловар 2007]; столбец 6 – фонематическая транскрипция на основе ФУТ, используемая в [Каксин 2010].

Можно заметить, что основные расхождения между сопоставленными системами записи приходятся на фонемы /ү/, /ө/, /ў/, /о/, которые реализуются огубленными гласными среднего или заднего ряда. Особую трудность, по-видимому, представляет фонема /ө/, которая в трех разных вариантах орфографии обозначена тремя разными буквами (см. столбцы 1, 2, 3). Даже в вариан-

⁹ О соотношении УУФТ с другими системами транскрипции (в частности, с международным фонетическим алфавитом) см. [Уртегешев и др. 2009].

таких транскрипции, использующих одну и ту же основу (ФУТ, столбцы 5 и 6), заметны существенные расхождения. Например, один и тот же знак *ő* используется для обозначения разных фонем: /у/ в транскрипции [Кошкарева, Соловар 2007] и /ø/ в транскрипции [Каксин 2010]. Одна и та же фонема /у/ в одном случае [Кошкарева, Соловар 2007] обозначается знаком *ő* («*о* краткое»), в другом случае [Каксин 2010] – знаком *и*, который следует интерпретировать как «*у* долгое» ввиду наличия в той же системе знака *й* («*у* краткое»).

Добавим к этому, что в ходе полевой работы в с. Теги было разработано и использовалось как минимум три различных варианта транскрипции, в разной степени похожих на представленные в работах предшественников. Самый беглый анализ публикаций по итогам экспедиций в с. Казым под руководством С. Ю. Толдовой, регулярно проводившихся в течение нескольких лет с 2018 г., показал, что участники данного проекта также не пользуются единой системой записи.

Возьмем на себя смелость высказать гипотезу о причинах подобных расхождений. На наш взгляд, это связано с большой вариативностью в реализации гласных фонем; причем эта вариативность, вероятно, имеет место как по локальным вариантам («говорам»), так и по носителям, и даже в рамках одного идиолекта – по произнесениям одного и того же слова. Это гипотеза отчасти подтверждается нашим полевым опытом: с такой вариативностью мы столкнулись во время работы в с. Теги.

2.2. Особенности реализации гласных фонем

Для тегинского говора мы выделяем те же 9 гласных фонем, что и для казымского: /и/, /э/, /а/, /ä/, /у/, /ø/, /ў/, /о/, /ә/, с тем же распределением относительно употребления в первом и непервых слогах. Однако их фонетическая реализация и (или) сочетаемость их аллофонов в ряде случаев существенно отличается. Рассмотрим далее некоторые из зафиксированных различий.

Реализация казымской фонемы /и/ характеризуется как краткий неогубленный гласный верхнего подъема переднего [Куркина 2000: 53] или среднего [Кошкарева, Соловар 2007: 31] ряда. Данный гласный реализуется в двух основных вариантах: более закрытый [и] и более открытый [ы] [Куркина 2000: 51–53]. В тегинском говоре эти варианты различаются как по подъему, так и по ряду: [и] переднего ряда, [ы] передне-среднего или среднего ряда.

Данные варианты позиционно распределены: [и] имеет место в абсолютном начале слова, после губных, среднеязычных согласных и заднеязычного /к/, ср.: каз. и тег. *ими* ‘женщина’, *ики* ‘мужчина’, *мил* ‘шапка’, *пирәң* ‘старый’, *иңүк* ‘вода’; [ы] реализуется после переднеязычных согласных, ср.: каз. и тег. *лыпәт* ‘лист’, *лык* ‘злость’, *васы* ‘утка’. В тегинском говоре некоторые колебания наблюдаются в позиции после /у/, где у некоторых носителей в отдельных произнесениях встречается [и]. Хотя [и] и [ы] являются позиционными вариантами одной фонемы, в орфографии они последовательно обозначаются разными буквами, кроме сочетаний *жи* и *ши*, принцип написания которых механически перенесен из русской орфографии [Немысова и др. 2023: 16–18].

В позиции после заднеязычного /х/ для казымского диалекта «констатируется оттенок наиболее открытый и отодвинутый назад» [Куркина 2000: 52], то есть реализуется [ы]; в тегинском говоре фиксируется [и], с заметным смягчением предыдущего [x']: тег. *хүр* ‘мешок’, *ńухи* ‘мясо’. Отметим, что в орфографии после /х/ используется буква *и*, то есть подразумевается реализация [и] и для казымского [Немысова и др. 2023: 16].

Казымская фонема /э/ реализуется как долгий неогубленный гласный переднего ряда, в двух вариантах: верхне-среднего [э] или среднего [е] подъема. Строгих минимальных пар, противопоставляющих [э] и [е], обнаружить не удается; это, по-видимому, следует считать показательным, поскольку в других случаях в казымском диалекте легко обнаруживаются минимальные пары. Имеется некоторое количество псевдоминимальных пар [Кошкарева, Соловар 2007: 44]: *сәм* ‘глаз’ – *сәэв* ‘коса’, *кәр* ‘наст’ – *кәзү* ‘веревка’, *тәл* ‘полный’ – *тәл ńяň* ‘рыбный фарш для приготовления лепешек’ и т. п. В [Куркина 2000] для аллофонов [э] и [е] найдено дополнительное распределение, хотя и несколько более сложное, чем для [и] и [ы]. В то же время в работе [Егоров 2019] дается сравнительно-историческое и экспериментально-фонетическое обоснование фонологического статуса гласного /е/ (отчасти это подтверждается и нашими данными, см. п. 3.1). В практических ориентированных описаниях [э] и [е] считаются разными фонемами [Кошкарева, Соловар 2007; Терешкин, Немысова 2014] и в орфографии обозначаются разными буквами [Немысова и др. 2023: 28–29].

В тегинском говоре распределения между [Э] и [Е] не строгое и сильно варьирует по носителям. В целом прослеживается тенденция к замене [Е] на [Э]: каз. *сұл* – тег. эл ‘тело’, каз. *сәм* – тег. сэм ‘глаз’; в непервых слогах эта тенденция особенно заметна. Некоторые носители последовательно различают [Э] и [Е] в абсолютном начале слова. При этом результаты инструментального акустического анализа показывают, что по крайней мере у отдельных носителей [Э] и [Е] различаются достаточно четко (см. п. 3.1). Вопрос о распределении звуков [Э] и [Е] в тегинском говоре требует, очевидно, дальнейшего исследования.

Казымские фонемы /а/, /ä/ реализуются как неогубленные гласные нижнего подъема с варьированием по ряду. Они характеризуются как фонологически заднерядные [Куркина 2000], но по средним значениям формант тяготеют скорее к среднему ряду [Тимкин 2018: 78]. В тегинском говоре количественное различие между /а/ и /ä/ не очевидно. При этом при предъявлении минимальных пар (ср. *тај* ‘пустой’ – *тайл* ‘зима’, *нај* ‘печет’ – *нај* ‘ухо’) носители явно указывали на различие по длительности.

Качественные различия между /а/ и /ä/ в тегинском выражены сильнее, чем в казымском. Слуховой анализ позволяет судить, что /а/ реализуется в среднем как более низкий и более задний звук по сравнению с /ä/; это подтверждается данными инструментального анализа (см. п. 3.1). В позиции после среднеязычных согласных, особенно после /й/, /ä/ реализуется близко к [Е] или [Э]: например, в словах тег. *йайләп* ‘новый’, *йәрмәт* ‘тесный’; при медленном произнесении проясняется [ä]. В тег. *йәрсөт* (каз. *йәрсөт*) ‘девятьсот’ [Э] не проясняется в [ä] даже при четком произнесении, так что можно говорить о переходе /ä/ в /Э/.

Казымские фонемы /ү/, /ө/ характеризуются как огубленные гласные среднего ряда верхнего и среднего подъема соответственно, /ү/, /о/ – огубленные гласные заднего ряда верхнего и среднего подъема; /ү/, /ў/ – краткие, /ө/, /о/ – долгие. Такие характеристики приводятся в [Кошкарева, Соловар 2007; Тимкин 2018] и опираются на данные экспериментального исследования [Куркина 2000]. При этом в [Каксин 2010] /ү/ характеризуется как гласный среднего ряда, /ү/ – заднего. В работе [Терешкин, Немысова 2014: 5] в таблице, представляющей систему гласных фонем, гласные разделены на передние и задние (средний ряд не выделяется); /ў/, /ө/ отнесены к передним, /ү/, /о/ к задним; далее, где приводятся описательные характеристики гласных, /ү/ (а не /ў/, sic!) отнесена к переднему ряду, /ө/ к среднему (sic!), /о/, /ў/ к заднему [Терешкин, Немысова 2014: 6–7]. Заметим, что все эти данные мы приводим с учетом различий в обозначениях фонем: в каждом случае мы ориентируемся на приводимые примеры слов, содержащих ту или иную гласную. Указанные расхождения, а иногда, по-видимому, и очевидная путаница возникают по причинам, о которых мы говорили выше (см. п. 2.1): это большое разнообразие обозначений, которое отчасти имеет место из-за сильной вариативности в части реализации гласных между говорами даже в пределах одного диалекта.

В части огубленных гласных непереднего ряда /ў/, /ү/, /о/, /ө/ наблюдаются наибольшие расхождения между казымским и тегинским вокализмом. В тегинском говоре все эти фонемы имеют заднерядную реализацию: /ў/ – верхнего подъема, /ү/ – верхне-среднего, /о/ – средне-нижнего подъема. Реализация /ө/ носит, как правило, дифтонгоподобный характер – это сложный гласный, где первый компонент [ү]-образный, второй – [о]- или [Э]-образный.

Отметим, что самостоятельный статус фонем /ў/, /ү/, /о/, /ө/ подкрепляется достаточным количеством минимальных пар (см. табл. 3 на с. 109; данные приводятся по тегинскому говору, но могут быть отнесены и к казымскому диалекту).

Казымская фонема /ә/ встречается только в непервых слогах, характеризуется как редуцированная (неполного образования) и отличается артикуляционной нестабильностью [Куркина 2000: 59]. Как и в казымском диалекте, в тегинском говоре /ә/ имеет огубленную реализацию перед губными /п/, /м/, /в/. При присоединении аффиксов может выпадать: тег. *лыпәт* ‘лист’ – *лыпт=әт* ‘листья (лист=PL)’, *атәм* ‘плохой’ – *атт=a* ‘плохой=ADV’.

Таблица 3
Table 3

Минимальные пары для огубленных гласных непереднего ряда
Minimal pairs for rounded non-front vowels

	/y/	/o/	/ø/
/ÿ/	ÿв ‘крик’ – ув ‘текущее’	ÿх ‘дерево’ – ѿх ‘люди’ хүр ‘корыто’ – хор ‘бык’	ÿў ‘рыба’ – хөл ‘ель’ кур ‘нога’ – көр ‘печь’
/y/	–	уи ‘ум’ – ои ‘овца’ ув ‘текущее’ – ов ‘дверь’	йур ‘гордый’ – ѹор ‘руслло’ хун ‘живот’ – хөн ‘когда’
/o/	–	–	хот ‘дом’ – хөт ‘шесть’ йош ‘рука’ – ѹои ‘дорога’

3. Элементы экспериментального исследования

3.1. Инструментальный акустический анализ

На данном этапе исследования мы провели предварительный инструментальный анализ записей четырех дикторов: трех носителей тегинского говора и, для сопоставления, одного носителя казымского диалекта:

Д1, мужчина, ханты, родился в 1948 г. в с. Теги, образование неполное среднее;

Д2, мужчина, ханты, родился в 1956 г. в с. Теги, образование среднее;

Д3, женщина, ханты, родилась в 1959 г. в с. Теги, образование среднее специальное;

Д4, мужчина, ханты, родился в 1970 г. в с. Казым, образование среднее.

Для дикторов Д1, Д2, Д4 было проведено измерение частот первой и второй формант гласных первого слога с применением специализированной компьютерной программы Praat. Из имеющихся записей были выбраны наиболее качественные произнесения (четкие, без посторонних шумов и т. п.); произведен отбор консонантных контекстов. Далее вручную были размечены начальные и конечные точки звучания гласных. Дальнейший анализ (автоматизированный) осуществлялся в пределах длительности центральных 40 % гласного, что позволяет снизить влияние коартикуляционных эффектов. Наконец, для каждого гласного были вычислены частоты первых двух формант с использованием стандартных настроек программы Praat. Более подробно соответствующая методика измерений и построения графиков описана в статье [Идрисов 2011].

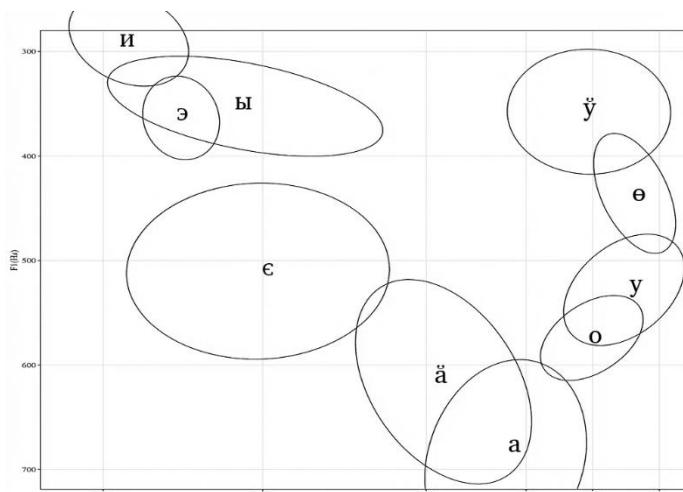

Рис. 1. Первая и вторая форманты, диктор Д1 (тегинский говор)
Fig. 1. F1 and F2, speaker D1 (Tegi Khanty)

На рис. 1 представлены обобщенные результаты измерений первой и второй формант гласных по диктору Д1; контексты с гласными [и] и [ы], [э] и [є] в данном случае размечались и измерялись отдельно. На основании этих результатов можно сделать следующие предварительные наблюдения относительно гласных тегинского говора;

1) гласные [и] и [ы] акустически хорошо различимы; однако вполне ясная дополнительная дистрибуция позволяет считать их вариантами одной фонемы /и/;

2) гласные [э] и [е] имеют разную формантную картину, что, при отсутствии очевидной дополнительной дистрибуции, позволяет поставить вопрос о выделении двух фонем: /э/ верхне-среднего подъема, /е/ средне-нижнего подъема; данный вопрос требует тщательного дальнейшего исследования;

3) качественное различие между гласными /а/ и /ä/ выражено достаточно четко: /а/ более низкого подъема, чем /ä/; обе гласные тяготеют скорее к среднему ряду, чем к заднему;

4) гласные /ў/, /у/, /о/, /ө/ реализуются как заднерядные, при этом ни один из них, по-видимому, нельзя отнести к нижнему подъему.

Далее посмотрим на гласные тегинского говора и казымского диалекта в сопоставительном аспекте. На рис. 2а представлены обобщенные результаты измерений первой и второй формант гласных по диктору Д4 (говор с. Казым), на рис. 2б – по диктору Д2 (тегинский говор); [и] и [ы] здесь рассматривались как одна фонема, а [э] и [е] размечались отдельно.

Результаты по казымскому диалекту в целом соответствуют ожиданиям, основанным на предшествующих описаниях [Кошкарева, Соловар 2007; Каксин 2010]. Гласные [э] и [е] четко различаются, что подтверждает обоснованность обозначения их разными символами в практических системах письма, в том числе в орфографии. Гласные /а/ и /ä/ не имеют столь выраженного качественного различия, как в тегинском говоре (ср. выше рис. 1, а также рис. 2б); по-видимому, различие между ними носит количественный характер. Обе эти гласные реализуются как средне-задние или задние, в отличие от среднерядных тегинских. Подтверждается наличие в казымском диалекте двух огубленных гласных среднего ряда (/ў/ и /ө/) и двух огубленных гласных заднего ряда (/у/ и /о/).

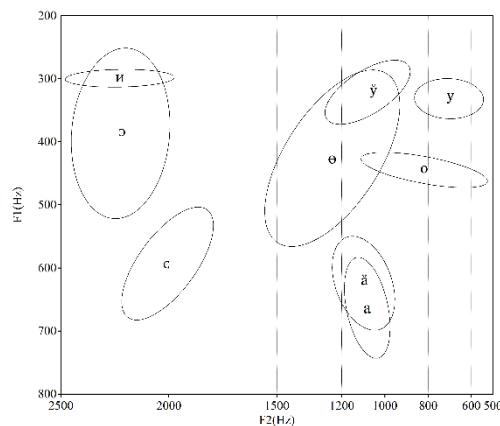

Рис. 2а. Первая и вторая форманты, диктор Д4
(казымский диалект)

Fig. 2a. F1 and F2, speaker D4 (Kazym Khanty)

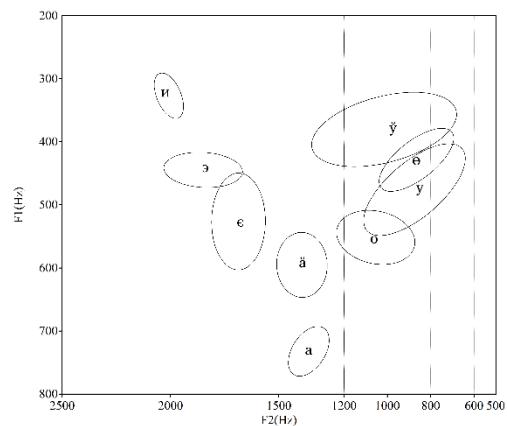

Рис. 2б. Первая и вторая форманты, диктор Д2
(тегинский говор)

Fig. 2b. F1 and F2, speaker D2 (Tegi Khanty)

Результаты по тегинскому говору (рис. 2б) подтверждают наблюдения, сделанные выше. Если отбросить проблему [э] и [е], то казымские гласные распределяются по трем подъемам: верхнему (/и/, /ў/, /у/), среднему (/э/, /ө/, /о/) и нижнему (/а/, /ä/), ср. табл. 1. В тегинском говоре между гласными заднего ряда наблюдается различие по подъему, что может требовать выделения как минимум четырех ступеней подъема: /ў/ относится к верхнему, /у/ – к верхне-среднему, /о/ – к средне-нижнему. Впрочем, требует изучения вопрос о противопоставлении гласных заднего ряда по длительности и (или) напряженности, которое также может оказаться фонологически релевантным. К нижнему подъему относится /а/. Вопрос о подъеме /ä/ пока остается открытым, он также требует дополнительных исследований; будем пока считать, что количественное различие между /а/ и /ä/ в тегинском говоре сохраняется, а потому эти гласные можно отнести к одному ряду и подъему. Отметим, что речь здесь идет о значениях признака подъема в контексте фонологически значимых противопоставлений. С учетом изложенного система гласных фонем первого слога для тегинского говора может выглядеть следующим образом, см. табл. 4.

Таблица 4
Table 4

Система гласных тегинского говора
Vowel phonemes in Tegi Khanty

Подъем	Передний ряд	Средний ряд	Задний ряд
Верхний	и		ÿ
Верхне-средний	э		ө ү
Средне-нижний	[ε]		о
Нижний		ä а	

Наиболее трудным в данной системе остается вопрос о положении фонемы /ө/; для нее как будто нет места, если только не выделять еще одно значение признака подъема. На рис. 2б видно, что эллипс, соответствующий /ө/, почти полностью перекрывается эллипсами гласных /ÿ/ и /ү/. Из этого можно было бы сделать вывод, что в результате некоторой перестройки системы гласный /ө/ постепенно сливаются или уже слился с другими гласными. Против этого, однако, свидетельствует наличие минимальных пар (см. табл. 3), различия в звучании которых хорошо осознается носителями (см. далее п. 3.2).

По нашим наблюдениям, фонема /ө/ реализуется как сложный по структуре двукомпонентный гласный, где первый компонент имеет [ү]-образное, второй – [о]- или [э]-образное звучание. Очевидно, к исследованию формантных частот данного гласного нужен иной подход: измерения в пределах длительности центральных 40 % гласного в данном случае дают искаженный результат.

Характер реализации гласного /ө/ проиллюстрирован осцилограммами и спектрограммами на рис. 3а и 3б, причем рис. 3а соответствует нормальному произнесению, а рис. 3б – утрированному, при котором компоненты гласного искусственно разделены; сегменты, соответствующие реализации /ө/, выделены курсорами.

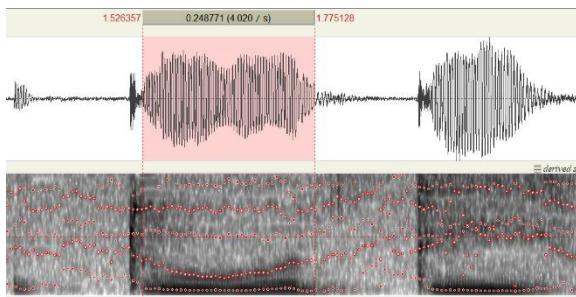

Рис. 3а. төтү ‘нести’, нормальное произнесение, диктор Д3 (тегинский говор)

Fig. 3a. төтү ‘to carry’, normal pronunciation, speaker D3 (Tegi Kanyt)

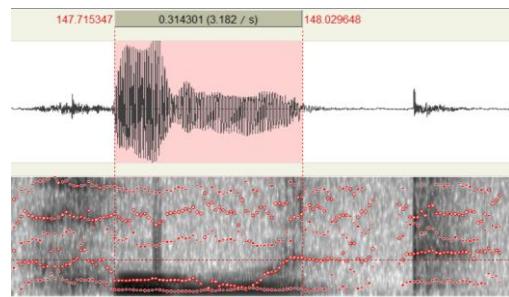

Рис. 3б. хөт ‘шесть’, утрированное произнесение, диктор Д3 (тегинский говор)

Fig. 3b. хөт ‘six’, exaggerated pronunciation, speaker D3 (Tegi Kanyt)

Особенности реализации фонемы /ө/ в тегинском говоре подлежат дальнейшему тщательному исследованию. В частности, должен быть уточнен характер настройки сложного гласного в соответствии с классификацией, представленной в [Уртегешев 2022: 79].

3.2. Психоакустический эксперимент

В ходе полевой работы в с. Теги в 2011 г. был проведен небольшой психоакустический эксперимент, целью которого было понять, насколько хорошо сами носители различают на слух гласные заднего ряда /ў/, /у/, /o/, /ø/. Эксперимент был спланирован В. А. Ивановым и Р. И. Идрисовым и реализован О. А. Карловской¹⁰ под руководством Р. И. Идрисова. Следует отметить, что эксперимент носил скорее учебный, чем строго исследовательский характер. И тем не менее его результаты могут представлять интерес относительно тех проблем, которые были сформулированы выше.

Для участия в эксперименте было отобрано три группы испытуемых. Первая группа – дикторы. В нее вошли два носителя, уроженцы с. Теги, чья компетенция в части владения родным говором не вызывала сомнений. Вторую группу составили три носителя из числа консультантов экспедиции, двое из которых родились за пределами «тегинской территории». Третью группу – контрольную – составили два члена коллектива экспедиции, не имеющие лингвистического образования и не владеющие хантыйским языком.

Для эксперимента были подобраны минимальные пары слов, противопоставляющие гласные /ў/, /у/, /o/, /ø/. Все слова были выверены по словарю [Соловар 2006]. Минимальные пары составлялись только из тех слов, которые хорошо знакомы участникам первой и второй групп. От участников первой группы (дикторов) была произведена запись коротких предложений, содержащих слова из минимальных пар. Далее из этих записей были вырезаны фрагменты, соответствующие произнесению искомых слов.

Эти фрагменты предъявлялись участникам второй и третьей групп, также дикторы слушали записи друг друга. Прослушивание целевых слов перемежалось прослушиванием филлеров. Целью участников было определить, какое слово произносится на записи. Подсчитывался процент ошибок, сделанных участниками каждой группы.

Результаты оказались следующие. Первая группа ошибалась в 17 % случаев, вторая группа в 22 % случаев, суммарно по первой и второй группам (носители языка) – 20 %; третья (контрольная) группа совершила ошибки в 48 % случаев, что близко к случайному распределению. Таким образом, носители языка ошибались значимо реже, чем участники контрольной группы. Из этого можно сделать вывод, что различия между фонемами /ў/, /у/, /o/, /ø/ достаточно хорошо воспринимаются на слух, что дополнительно подтверждает их фонематический статус.

Также интересно отметить, что максимальное количество ошибок носители сделали при различении /у/ и /o/ (формантные области этих гласных пересекаются, см. рис. 1 и рис. 2б). Фонема /ø/ при этом, наоборот, хорошо отличается от всех прочих, то есть гипотеза о слиянии этой фонемы с другими гласными не находит подтверждения.

Заключение

Проведенный анализ материалов по тегинскому говору и сопоставление их с данными казымского диалекта позволяет сделать следующие основные выводы и наметить направления для дальнейших исследований.

1. В тегинском говоре выделяются те же 9 гласных фонем, что и в казымском диалекте, однако их фонетическая реализация и сочетаемость может отличаться.

2. В тегинском говоре [и] и [ы] являются вариантами одной фонемы, однако их распределение и возможные колебания, а также влияние на предшествующий согласный требуют более подробного изучения.

3. В тегинском говоре [э] и [ε], по крайней мере в речи некоторых носителей, акустически хорошо различаются и, возможно, на этом основании могут считаться разными фонемами. Дальнейшего исследования требует вопрос о сочетаемости этих звуков и возможном дополнительном распределении. В практическом отношении использование в орфографии разных букв для обозначения данных гласных видится удачным решением.

4. В тегинском говоре реализации фонем /а/ и /ä/ относятся к среднему ряду и имеют выраженное качественное различие; возможно, следует говорить о том, что /а/ относится к нижнему,

¹⁰ Мы опираемся на полевые материалы О. А. Карловской и ее отчет о работе в экспедиции в 2011 г. в с. Теги.

а /ã/ – к средне-нижнему подъему. Количественное различие между этими гласными подлежит дальнейшему изучению.

5. В тегинском говоре все огубленные гласные /ў/, /у/, /о/, /ø/ имеют заднерядную реализацию. Психоакустический эксперимент показал, что все четыре гласные /ў/, /у/, /о/, /ø/ хорошо различаются на слух носителями языка.

6. Гласные /ў/, /у/, /о/ различаются по подъему, и ни один из них не может быть отнесен к нижнему подъему. Это может требовать различения для тегинского говора (минимум) четырех степеней подъема, однако отдельного анализа требует противопоставление гласных /ў/, /у/, /о/ (а также и /ø/) по длительности и (или) напряженности.

7. Гласный /ø/ имеет сложную двукомпонентную структуру; особенности этой структуры и точная ее классификация требуют дальнейшего исследования.

Как справедливо отмечает И. Я. Селютина, «в условиях Сибири с ее обширными территориями, на которых проживают носители более сорока языков и крупных диалектов, наиболее важной, неотложной задачей лингвистов является задача изучения звуковых систем языков» [Селютина 2004: 6]. Учитывая описанные выше обстоятельства социолингвистического характера, задача всестороннего изучения фонетики тегинского говора представляется чрезвычайно актуальной. В частности, анализ накопленного материала позволяет выявить лакуны, которые, может быть, в настоящий момент еще возможно восполнить – в том числе за счет новых полевых исследований. В связи с этим необходимо продолжить изучение фонетических особенностей тегинского говора. И прежде всего – методами экспериментальной фонетики, которые позволяют «наиболее эффективно выявить и зафиксировать» звуковую систему языка [Селютина 2004: 7].

Список условных сокращений

англ. – английский язык; каз. – казымский диалект; нем. – немецкий язык; тег. – тегинский говор; хант. – хантыйский язык; ADV – адвербализатор; PL – множественное число.

Список литературы

Идрисов Р. И. Фонетическое исследование бесписьменного идиома (на примере вокалической системы бесермянского диалекта удмуртского языка) // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2011. № 6. С. 97–112.

Каксин А. Д. Казымский диалект хантыйского языка. 2-е изд., доп. Ханты-Мансийск, 2010. 176 с.

Кошкарева Н. Б. Актуальные вопросы совершенствования хантыйской графики и орфографии // Вестник угроведения. 2013. № 3. С. 47–78.

Кошкарева Н. Б., Соловар В. Н. Увты муй ўвты: Курс практической фонетики хантыйского языка (казымский диалект). Новосибирск, 2007. 178 с.

Куркина Г. Г. Вокализм хантыйского языка (Экспериментальное исследование). Новосибирск, 2000. 296 с.

Лапина М. А. Сказки-рассказы тегинских людей = Тэк ёх моньщэт-путрэт / запись текстов, пер., сост., предисл., comment. М. А. Лапиной. Ханты-Мансийск, 2011. 111 с.

Немысова Е. А., Кошкарева Н. Б., Соловар В. Н. Правила орфографии и пунктуации хантыйского языка (казымский диалект) / под ред. Н. Б. Кошкаревой. Тюмень, 2023. 188 с.

Николаева И. А. Обдорский диалект хантыйского языка. М.; Гамбург, 1995. 256 с.

Новьюхова Е. П. Катра Тэк – основное поселение хантов тегинской территории // Архив в социуме – социум в архиве: Материалы четвертой Всероссийской научно-практической конференции, Челябинск, 22–23 сентября 2021 года / сост., науч. редактор Н. А. Антипин. Челябинск, 2021. С. 292–294.

Новьюхова Е. П. Устрём – поселение тегинских хантов // История, экономика, культура в трансграничных исследованиях Севера (Арктики): Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Ханты-Мансийск, 22 ноября 2019 года. Ханты-Мансийск, 2019. С. 213–222.

ОФУЯ 1976 – Основы финно-угорского языкоznания: Марийский, пермские и угорские языки / ред. кол. В. И. Лыткин и др. М.: Наука, 1976. 463 с.

- Рябчикова З. С. Образцы хантыйской речи: учеб.-метод. пособие. СПб., 2024а. 126 с.
- Рябчикова З. С. Тексты на хантыйских диалектах: учеб.-метод. пособие. СПб., 2024б. 84 с.
- Рябчикова З. С., Броваренко В. Г. Исторические события в воспоминаниях жителей хантыйского села Теги // Традиции Института народов Севера: язык, фольклор, история и литература: сборник научных статей, посвященный 65-летию со дня рождения ученого-североведа А. А. Петрова. СПб., 2024. С. 206–210.
- Селютина И. Я. Фонологические системы языков народов Сибири: учеб. пособие. Новосибирск, 2004. 99 с.
- Соловар В. Н. Хантыско-русский словарь (казымский диалект). Новосибирск, 2020. 688 с.
- Соловар В. Н. Хантыско-русский словарь (казымский диалект). Тюмень, 2014. 386 с.
- Соловар В. Н. Хантыско-русский словарь. СПб., 2006. 336 с.
- Соловар В. Н., Нахрачева Г. Л., Шиянова А. А. Диалекты хантыйского языка. Ханты-Мансийск; Ижевск, 2016. 348 с.
- Список языков 2023 – Список языков России (v2023) / Ю. Б. Коряков, Т. И. Давидюк, А. П. Евстигнеева, А. А. Сюрюн [Электронный ресурс]. 2023. URL: https://jazykirfiling-ran.ru/list_2023.shtml (дата обращения: 20.11.2025).
- Терешкин Н. И. Словарь восточно-хантыских диалектов. Л., 1981. 544 с.
- Терешкин Н. И., Немысова Е. А. Очерки диалектов хантыйского языка. Часть 3: (казымский диалект): учеб. пособие. Ханты-Мансийск, 2014. 100 с.
- Тимкин Т. В. Типологическая характеристика хантыйского вокализма по данным казымского и сургутского диалектов // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 9: Филология. С. 66–80.
- Уртегешев Н. С. Ранее не описанный тип гласных: дуфоны // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2022. № 1 (Вып. 43). С. 73–81.
- Уртегешев Н. С., Селютина И. Я., Эсенбаева Г. А., Рыжикова Т. Р., Добринина А. А. Фонетические транскрипционные стандарты УУФТ и МФА: система соответствий // Вопросы филологии. Серия: Урало-алтайские исследования. 2009. № 1 (1). С. 100–115.
- Хайду П. Уральские языки и народы. М.: Прогресс, 1985. 430 с.
- Штейниц В. К. Хантыйский (остяцкий) язык // Языки и письменность народов Севера: 2 т. / под ред. Г. Н. Прокофьева. Ч. 1: Языки и письменность самоедских и финно-угорских народов. М.; Л., 1937. С. 193–227.
- Egorov I. The origin and synchronic status of mid front vowels in Kazym Khanty // Вопросы языкового родства. 2019. № 3 (17). С. 197–209.
- Honti L. Chrestomathia Ostiacica: (osztjak nyelvjárai szöveggyűjtemény nyelvtani vazlattal es történeti magyarázatokkal). Budapest, 1984. 285 p.

References

- Egorov I. The origin and synchronic status of mid front vowels in Kazym Khanty. *Voprosy jazykovogo rodstva* [Journal of Language Relationship]. 2019, no. 3 (17), pp. 197–209.
- Hajdu P. *Ural'skie yazyki i narody* [Uralic languages and peoples]. Moscow, Progress, 1985, 430 p. (In Russian)
- Honti L. *Chrestomathia Ostiacica: (osztjak nyelvjárai szöveggyűjtemény nyelvtani vazlattal es történeti magyarázatokkal)*. Budapest, 1984, 285 p.
- Idrisov R. I. Foneticheskoe issledovanie bespis'mennogo idioma (na primere vokalicheskoy sistemy besermyanskogo dialekta udmurtskogo yazyka) [Phonetic study of an unwritten language (using the example of the vocal system of the Besermyan dialect of the Udmurt language)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya* [Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology], 2011, no. 6, pp. 97–112. (In Russian)
- Kaksin A. D. *Kazymskiy dialekt khantyyskogo yazyka* [The Kazym dialect of the Khanty language]. 2nd ed. Khanty-Mansiysk, 2010, 176 p. (In Russian)
- Koshkareva N. B. Aktual'nye voprosy sovershenstvovaniya khantyyskoy grafiki i orfografii [Topical issues of perfection of the Khanty script and orthography]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies]. 2013, no. 3, pp. 47–78. (In Russian)

- Koshkareva N. B., Solovar V. N. *Uvty moy ūvty: Kurs prakticheskoy fonetiki khantyyskogo yazyka (kazymskiy dialekt)* [Uvty Muy Ūvty: A course in practical phonetics of the Khanty language (Kazym dialect)]. Novosibirsk, 2007, 178 p. (In Russian)
- Kurkina G. G. *Vokalizm khantyyskogo yazyka (Eksperimental'noe issledovanie)* [Vocalism of the Khanty language (Experimental study)]. Novosibirsk, 2000, 296 p. (In Russian)
- Lapina M. A. *Skazki-rasskazy teginskikh lyudey* [Tales and stories of the Tegi people]. M. A. Lapina (record. of texts, transl., comp., preface, comm.). Khanty-Mansiysk, 2011, 111 p. (In Russian)
- Nemysova E. A., Koshkareva N. B., Solovar V. N. *Pravila orfografii i punktuatsii khantyyskogo yazyka (kazymskiy dialekt)* [Orthography and punctuation rules of the Khanty language (Kazym dialect)]. N. B. Koshkareva (Ed.). Tyumen, 2023, 188 p. (In Russian)
- Nikolaeva I. A. *Obdorskij dialekt khantyyskogo yazyka* [The Obdorsk dialect of the Khanty language]. Moscow, Gamburg, 1995, 256 p. (In Russian)
- Nov'yukhova E. P. Katra Tek – osnovnoe poselenie khantov teginskoy territorii [Katra Tek – the Main Settlement of the Tegi Khanty]. In *Arkhiv v sotsiume – sotsium v archive: Materialy chetvertoy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Chelyabinsk, 22–23 sentyabrya 2021 goda* [Archive in Society – Society in Archive: Proceedings of the Fourth All-Russian Scientific and Practical Conference, Chelyabinsk, September 22–23, 2021]. N. A. Antipin (Ed., Comp.). Chelyabinsk, 2021, pp. 292–294. (In Russian)
- Nov'yukhova E. P. Ustryom – poselenie teginskikh khantov [Ustryom – a settlement of the Tegi Khanty]. In *Istoriya, ekonomika, kul'tura v transgranichnykh issledovaniyah Severa (Arktiki): Sbornik materialov Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, Khanty-Mansiysk, 22 noyabrya 2019 goda* [History, economy, culture in transboundary research of the North (Arctic): Collection of materials from the All-Russian scientific and practical conference with international participation, Khanty-Mansiysk, November 22, 2019]. Khanty-Mansiysk, 2019, pp. 213–222. (In Russian)
- Osnovy finno-ugorskogo yazykoznanija: Marijskiy, permskie i ugorskie yazyki* [Foundations of Finno-Ugric linguistics: Mari, Permic and Ugric languages]. V. I. Lytkin et al. (Eds.). Moscow, Nauka, 1976, 463 p. (In Russian)
- Ryabchikova Z. S., Brovarenko V. G. Istoricheskie sobytiya v vospominaniyah zhiteley khantyyskogo sela Tegi [Historical events in the memories of the residents of the Khanty village Tegi]. In *Traditsii instituta narodov Severa: yazyk, fol'klor, istoriya i literatura: sbornik nauchnykh statey, posvyashchenny 65-letiyu so dnya rozhdeniya uchenogo-severoveda A. A. Petrova* [Traditions of the Institute of the Peoples of the North: language, folklore, history, and literature: a collection of scientific articles dedicated to the 65th anniversary of the birth of the northern studies scholar A. A. Petrov]. St. Petersburg, 2024, pp. 206–210. (In Russian)
- Ryabchikova Z. S. *Obraztsy khantyyskoy rechi: ucheb. -metod. posobie.* [Samples of Khanty speech: a handbook]. St. Petersburg, 2024a, 126 p. (In Russian)
- Ryabchikova Z. S. *Teksty na khantyyskikh dialektakh: ucheb. -metod. posobie.* [Texts in Khanty dialects: a handbook]. St. Petersburg, 2024b, 84 p. (In Russian)
- Selyutina I. Ya. *Fonologicheskie sistemy yazykov narodov Sibiri: ucheb. posobie* [Phonological systems of the languages of Siberia: a textbook]. Novosibirsk, 2004, 99 p. (In Russian)
- Solovar V. N. *Khantyysko-russkiy slovar'* (kazymskiy dialekt) [Khanty-Russian dictionary (Kazym dialect)]. Novosibirsk, 2020, 688 p. (In Russian)
- Solovar V. N. *Khantyysko-russkiy slovar'* (kazymskiy dialekt) [Khanty-Russian dictionary (Kazym dialect)]. Tyumen, 2014, 386 p. (In Russian)
- Solovar V. N. *Khantyysko-russkiy slovar'* [Khanty-Russian dictionary]. St. Petersburg, 2006, 336 p. (In Russian)
- Solovar V. N., Nakhracheva G. L., Shiyanova A. A. *Dialekty khantyyskogo yazyka* [Dialects of the Khanty language]. Khanty-Mansiysk, Izhevsk, 2016, 348 p. (In Russian)
- Spisok yazykov Rossii (v2023)* [List of languages of Russia (v2023)]. Yu. B. Koryakov, T. I. Davydruk, A. P. Evstigneeva, A. A. Syuryun (Comps.). 2023. URL: https://jazykirf.iling-ran.ru/list_2023.shtml (accessed 20.11.2025). (In Russian)
- Steiniz W. Khantyyskiy (ostyatskiy) yazyk [The Khanty (Ostyak) language]. In *Yazyki i pis'mennost' narodov Severa: 2 t.* [Languages and writing systems of the peoples of the North: 2 vols.]. G. N. Prokof'ev (Ed.). Moscow, Leningrad, 1937, pt. 1: Yazyki i pis'mennost' samoedskikh i finno-ugorskikh

narodov [Languages and writing systems of the Samoyed and Finno-Ugric peoples], pp. 193–227. (In Russian)

Tereshkin N. I. *Slovar' vostochno-khantyyskikh dialektov* [Dictionary of Eastern Khanty dialects]. Leningrad, Nauka, 1981, 544 p. (In Russian)

Tereshkin N. I., Nemysova E. A. Ocherki dialektov khantyyskogo yazyka. Chast' 3: (kazymskiy dialekt): ucheb. posobie [Essays on the dialects of the Khanty language. Part 3: (Kazym dialect): a textbook]. Khanty-Mansiysk, 2014, 100 p. (In Russian)

Timkin T. V. Tipologicheskaya kharakteristika khantyyskogo vokalizma po dannym kazymskogo i surgutskogo dialektov [Typological characteristics of the Khanty vocalism based on data of Kazym and Surgut Dialects]. *Vestnik NGU. Seriya: Istorija, filologija* [Vestnik NSU. Series: History and Philology]. 2018, vol. 17, no. 9: Filologija [Philology], pp. 66–80. (In Russian)

Urtegeshev N. S. Ranee ne opisannyy tip glasnykh: dufony [Previously undescribed vowel type: dufons]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2022, no. 1 (iss. 43), pp. 73–81. (In Russian)

Urtegeshev N. S., Selyutina I. Ya., Esenbaeva G. A., Ryzhikova T. R., Dobrinina A. A. Foneticheskie transkripcionnye standarty UUFT i MFA: sistema sootvetstviy [Phonetic transcription standards of UUPT and MPA: a system of correspondences]. *Voprosy filologii. Seriya: Uralo-altayskie issledovaniya* [Journal of Philology. Ural-Altaic Studies]. 2009, no. 1 (1), pp. 100–115. (In Russian)

Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
30.10.2025

Сведения об авторах – Information about the Author / Authors

Владимир Андреевич Иванов – кандидат филологических наук, научный сотрудник Удмуртского института истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии наук (Ижевск, Россия)

vovagkmfc@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4964-4937>

Руслан Ирекович Идрисов – независимый исследователь (Москва, Россия)

idrisov.ru@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0005-5781-929X>

Vladimir A. Ivanov – Candidate of Philology, Researcher, Udmurt Institute of History, Language and Literature of Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Izhevsk, Russia) Federation

Ruslan I. Idrisov – Independent researcher (Moscow, Russia)